

А. Н. Кожановский¹
A.N. Kozhanovsky

«Мавры» и «христиане» Испании пять столетий спустя²

"Moors" and "Christians" of Spain five centuries later

Аннотация: На рубеже XX-XXI веков в Испании возникла общественно-идеологическая коллизия в связи с традиционным праздником «Мавры и христиане», который до той поры столетиями воспроизводил в фольклорно-символической форме представления и нормы давно ушедшей эпохи противоборства испанцев-христиан и арабов-мусульман. Влиятельная часть общества выступила против роли, отводимой женщинам в этом ритуально-игровом действе, и против трактовки в нём исламского начала. Данная ситуация во многом отражает современное состояние испанского общества с точки зрения его национально-культурной идентичности, характеризует идейно-психологическую атмосферу, постепенно

¹ **Кожановский Александр Николаевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских и американских исследований, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (119991, Москва, Ленинский проспект, 32А), ankozhan49@yandex.ru, **Kozhanovsky Alexandr Nikolaevich**, PhD. in History (Dr. Hist.), Leading Researcher at the Center for European and American Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (119991, Moscow, Russia, Leninsky Prospect, 32A), ankozhan49@yandex.ru

² Данная статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии Российской академии наук.

утвердившуюся в период, наступивший после перехода от франкизма к демократии, и показывает степень её влияния на население страны в одном из важных аспектов его жизнедеятельности

Ключевые слова: Испания, массовая иммиграция, фольклорная традиция, неолиберальная идеология, ценностный конфликт

Abstract: At the turn of XX-XXI centuries there have taken place a socio-ideological conflict in Spain connected with the traditional holiday "Moors and Christians». An influential part of society opposed the role assigned to women in this ritual and game action as well as the interpretation of Islamic principle in it. This situation largely reflects the current state of Spanish society in terms of its national and cultural identity, its ideological and psychological atmosphere which has gradually established in the period following the transition from Francoism to democracy. Finally, it shows the degree of its influence on the population of the country in one of the important aspects of its life.

Key words: Spain, mass immigration, folklore tradition, neoliberal ideology, value conflict

DOI: 10.32608/2305-8773-2019-23-1-233-253

Глобальные миграции конца XX – начала XXI вв., характеризующиеся некоторыми аналитиками как «второе великое переселение народов», вовлекли в свою орбиту многие миллионы людей, перемещающихся из родных мест в экономически развитые государства Европы и Северной Америки с намерением обосноваться там надолго или даже навсегда – в условиях более благоприятных, чем исходные. В некоторых случаях их появление в невиданном прежде массовом количестве серьёзно изменило прежний этнодемографический и этнокультурный расклад населения в стране, принявшей их у себя. Одной из таких стран оказалась Испания.

Но в случае с Испанией обращает на себя внимание, среди прочего, одно примечательное – для тех, кто хотя бы в общих чертах представляет себе испанскую историю – обстоятельство: новая культурно-демографическая ситуация, сложившаяся здесь на протяжении последних 2-3 десятилетий, т.е. на рубеже XX-XXI веков, в одном из важных аспектов неожиданно оказалась, при многих отличиях, в некотором роде возвращением к той, которая исчезла – и долгое время мало кто сомневался, что исчезла навсегда – полтысячи лет тому назад. Речь идёт о былом долговременном сосуществовании, взаимодействии и противоборстве на Пиренейском п-ове сразу нескольких

весьма многочисленных общностей, проживавших тут на протяжении длинной череды поколений и различавшихся между собой религиозной принадлежностью, а также происхождением и историей появления на испанских землях, особенностями культуры, включая хозяйственно-бытовой уклад, языком и даже антропологическим обликом. По этому пёстрому многообразию на рубеже XV-XVI столетий был нанесён мощный и безжалостный удар в результате полной и окончательной военно-политической победы приверженцев католической конфессии над адептами ислама, за которой последовало массовое насильственное изгнание из страны мусульман и иудаистов, оставшихся верными религии предков, и жёсткая и последовательная этнокультурная и языковая ассимиляция тех, кто остался на родине ценой отказа от своей исходной веры и принятия веры победителей, – и, конечно же, потомков этих людей. Что же до всегда существовавшего здесь регионального культурно-лингвистического своеобразия в среде местных христиан, то оно, хотя и до сих пор очень заметно выраженное, и глубоко укоренённое в коллективном сознании, в значительной степени компенсировалось близостью, порождённой общей религией и столетиями общей истории в границах общего государства.

Условия и обстоятельства внутрииспанской жизни, вначале прямо препятствовавшие, а в дальнейшем как минимум не способствовавшие притоку сюда сколько-нибудь численно заметных контингентов чужестранцев, и прежде всего тех из них, кто принадлежал к иной, нежели местные жители, религиозной традиции, – сохранялись едва ли не до конца прошлого столетия. Утратив бывшее имперское могущество, Испания надолго погрузилась в состояние упадка, экономической и общественно-политической отсталости в сравнении с наиболее развитыми европейскими странами, с которыми когда-то соперничала на равных. Одним из следствий такого печального положения дел стала эмиграция, год за годом увлекавшая немалую часть наиболее активного, работоспособного и предприимчивого населения страны на поиски лучшей доли в Америку, а уже в сравнительно недавнем прошлом – в те государства Западной Европы, что вступили в 1960-е гг. в полосу экономического подъёма и нуждались в недорогой рабочей силе извне.

Привычной особенностью облика страны, отличавшей её от «передовых» европейских соседей, естественным образом долгое время оставалось куда более значительное влияние на испанское общество норм и правил, продиктованных традицией, в том числе церковной.

По словам видного испанского историка, «веками в этой стране думали, что образованные и воспитанные вне католической религии» группы населения представляют опасность³. Характерной чертой самосознания местных жителей, отмечавшейся многими внешними наблюдателями, были недоверие и отчуждённость, зачастую переходящие во враждебность, по отношению к «чужакам», под которыми понимались практически все не-земляки, т.е. выходцы из других, нежели данный человек, кварталов, селений, провинций, а особенно исторических областей (регионов), – и, конечно же, иностранцы. В ряду последних наиболее негативные чувства вызывали североафриканские арабы-мусульмане («мавры»); сохранялась – в том числе в языке и народной культуре – устойчивая память о растянувшемся когда-то почти на восемь столетий противостоянии христиан и мусульман на территории Пиренейского п-ова. И финальная победа первых из них над вторыми традиционно трактовалась как торжество истинной веры и подлинно испанского начала над враждебными им чужеродными силами. Вплоть до прошлого столетия те люди и даже целые локальные группы, среди предков которых реально или предположительно были мусульмане или иудаисты, принявшие христианство, воспринимались как «осквернённые» этим обстоятельством и нередко подвергались дискриминации, как бытовой, так и социально-профессиональной. Избежать подозрений в «неподобающем» происхождении можно было только представив официальное свидетельство о «чистоте крови».

Но пришло время, когда положение дел в Испании стало быстро и кардинально меняться. В последней четверти прошлого века там произошли известные политические события, в результате которых последний на тот момент в Западной Европе авторитарный режим уступил место либерально-демократическому, и в ходе радикальных всесторонних трансформаций страна принялась стремительно навёрстывать унизительное отставание от своих более успешных соседей по континенту, с намерением полноценно интегрироваться с ними в единое политическое, экономическое и т.д. «европейское пространство». Эти поистине эпохальные для испанской истории преобразования

³ Lobo R. "No podemos ser un país unitario, porque en realidad no lo hemos sido nunca" (Entrevista con José Enrique Ruiz-Domènec) // Eldiario.es. 03.01.2015. https://www.eldiario.es/politica/podemos-pais-unitario-realidad_0_341565946.html (Дата обращения 27.08.19)

привели к ускоренному росту экономики и ощутимому подъёму материального уровня жизни населения – и вскоре отразились на миграционных процессах: наряду с эмиграционным потоком, привычно уносившим испанцев с их родины на чужбину, возник другой, иммиграционный, идущий в противоположном направлении и теперь уже привлекающий на испанскую землю граждан других государств. При этом первый из них иссякал прямо на глазах, а второй, напротив, неотвратимо набирал силу и в конце концов достиг невиданных прежде в истории страны масштабов: счёт иностранцев, желавших обрести в быстро развивавшейся Испании работу и жильё, пошёл на миллионы, некоторые районы (прежде всего – крупные промышленные города и курортное побережье) оказались буквально затопленными пришельцами, вплоть до того, что в ряде мест их количество даже превысило численность коренного населения.

Обращает на себя внимание, что пришедшее на смену устоявшейся за века относительно монохромной картине новое этнокультурное, конфессиональное и расовое «многоцветье», неожиданно напомнившее о том, которое наблюдалось здесь пятьсот лет назад, возникло опять же в сравнительно короткие по историческим меркам сроки, – подобно тому, как оно было когда-то уничтожено. Не менее интересным для нашей темы представляется то обстоятельство, что значительную часть многочисленной армии иммигрантов из-за рубежей Испании, стремящихся обосноваться здесь на продолжительный срок или даже навсегда, составили мусульмане, главным образом арабы из Северной Африки и с Ближнего Востока, среди которых больше всего было как раз выходцев из стран Магриба (Марокко, Алжира и Туниса) – т.е. прямых потомков в том числе и тех самых «мавров», которые когда-то жили на Пиренейском п-ове и были насильственно изгнаны оттуда победителями-христианами.

Такое воссоздание, волей исторических обстоятельств, чрезвычайно значимого по сути и по демографическим масштабам социально-культурного аспекта ситуации полутысячелетней давности – при всей условности вдруг образовавшегося сходства и его очевидной неполноте, при всём понимании того, что за истекший огромный период времени очень многое из тогдашних материальных и духовных реалий просто исчезло, многое коренным образом изменилось, зато появилось многое, чего тогда не было и быть не могло – даёт нам, как представляется, любопытную возможность взглянуть на прошлое и настоящее в случае с Испанией в неожиданном ракурсе, сопоставить

некоторые одноимённые или близкие по сути параметры, и таким образом, возможно, чуть лучше понять, что представляет из себя испанское, а то и шире – западноевропейское и даже человеческое в целом, общество на нынешнем этапе своего развития, – а также оценить ход и направленность этого развития. Разумеется, такое сравнение может быть лишь частичным, учитывая масштаб, сложный и многослойный характер рассматриваемого сюжета, а также тот факт, что связанные с ним процессы далеко не завершены, – но какие-то важные обстоятельства, относящиеся к нашей теме, поддаются наблюдению уже сейчас и вполне заслуживают внимания и осмысления.

Отправной точкой для нас здесь могут стать, к примеру, события последних десятилетий вокруг испанского традиционного праздника «Мавры и христиане». На протяжении долгого времени фольклорная трактовка драматичных эпизодов далёкого прошлого, ощущавшихся как судьбоносные для страны, ежегодно воспроизводилась в театрализованных народных празднествах, которые отмечались во множестве селений и городов на Юге и Юго-Востоке Испании и привлекали в каждом случае сотни и тысячи людей в качестве участников и зрителей. Из года в год, согласно неизменному сценарию, исходом разыгрывавшегося в течение нескольких дней на улицах и площадях красочного действия, с торжественными костюмированными шествиями и постановочными сражениями, становилась безусловная победа «испанцев» над «маврами», «креста» над «полумесцем», с обязательным символическим поруганием или даже уничтожением «побеждённого противника», изображавшего реальных арабов-мусульман далёкого прошлого. Подготовкой мероприятия, требовавшей немало времени, труда и денежных средств, занимались специальные «братства», действовавшие по своим древним уставам – при активной и всесторонней (включая финансовую) поддержке местного населения и локальной администрации.

С течением времени какие-то детали сценария и оформления праздника неизбежно изменялись, но ни его содержательная и смысловая часть, ни тем более сама правомерность его проведения никем не ставились под сомнение. Однако в новую, поставторитарную, либерально-демократическую эпоху популярное фольклорное коллективное увеселение внезапно оказалось объектом суровой критики, источником многочисленных споров и конфликтов, привлёкших широкое общественное внимание и имевших самые серьёзные последствия для дальнейшей судьбы данного явления народной культуры. Один из

наиболее известных скандалов в связи с ним разразился в октябре 2006 г., когда в прессе появилось сообщение, что имам мечети города Малаги (Андалузия) выступил с публичным призывом запретить в Испании праздник «Мавры и христиане» – на том основании, что он есть не что иное, как очевидное проявление «культурного геноцида» по отношению к мусульманам вообще и к «маврам» – т.е. арабам и берберам – в частности.

Тут нужно сказать, что если вплоть до начала либерально-демократических преобразований мусульман (из числа приезжих разных категорий – торговцев, студентов, дипломатов и пр.) в стране было совсем немного, то к началу 1990-х гг. их здесь насчитывалось уже ок. 200 тыс.⁴, а ко времени появления упомянутого обращения имама на испанской земле обосновалось более миллиона приверженцев ислама (1080478 чел., по данным Observatorio Andalusí⁵), в большинстве своём – выходцев из Марокко. Марокканцы оказались одной из первых и наиболее многочисленных «национальных» групп «трудовых» иммигрантов в Испании (во многом в силу географического соседства), что даже дало основания говорить о «марокканском» (1990-е гг.) периоде иммиграции в эту страну (за которым уже в 2000-е гг. последовали обозначаемые по тому же критерию численного преобладания «латиноамериканский», «восточноевропейский» и др.). Арабы-мусульмане расселились практически по всей стране (хотя и очень неравномерно), составили немалую часть работников местного производственного сектора (сельское хозяйство, строительство и другие виды деятельности, как правило не требующие высокой квалификации, но остро нуждающиеся в рабочих руках) и сферы услуг, а также становящийся всё более заметным элемент «демографического пейзажа».

С формально-административной точки зрения само их массовое присутствие здесь – как, впрочем, и всех других «трудовых» иммигрантов из-за рубежа, – немислимое в совсем недавно завершившуюся авторитарную эпоху, с её жёстким и повсеместным полицейским контролем, – стало возможным в результате введения новых правил въезда в страну и пребывания в ней, принятых на основе весьма либе-

⁴ Marcos J. España, un país sin guetos para musulmanes // El País. 28.08.2017.

⁵ Observatorio Andalusí: Informe anual 2006. <http://observatorioandalusi.blogspot.com/2007/06/observatorio-andalus-informe-anual-2006.html> (Дата обращения 26.08.19)

рального постфранкистского законодательства. Большое значение в данном случае, – то есть с учётом того обстоятельства, что с XV в. и вплоть до конца 1970-х гг. (с небольшим перерывом на годы Второй республики, 1931-1939 гг.) католическая религия обладала в стране статусом государственной, а публичное отправление каких-либо иных культов было либо прямо запрещено, либо крайне затруднено, – имели утверждённые на высшем уровне юридические постулаты (в Конституции-1978 и Органическом законе от 1980 г.) о праве на свободу вероисповедания, равенстве приверженцев всех религий, равно как и неверующих, перед лицом закона, непризнании ни за одной из конфессий официального характера и т.д. Всё это позволило мусульманам к 2006 г. выстроить здесь собственную разветвлённую конфессиональную организацию (381 община, ок. 350 мечетей и молельных домов), создать целый ряд культурных и общественно-политических объединений, а имам, заявивший протест против местного традиционного праздника, одновременно занимал должность президента Испанской федерации исламских общин, с которой испанское государство ещё в 1992 г. подписало специальное соглашение как с организацией, представляющей всех мусульман на территории страны – как её граждан, так и иностранцев.

Принимая во внимание многовековую драматичную и даже трагическую историю взаимоотношений двух основных религиозных общин Пиренейского п-ова (христианской/католической и мусульманской) и то примечательное обстоятельство, что вызвавший нарекания имама фольклорный праздник представлял собой как раз концентрированное символическое и игровое воплощение этой истории в трактовке победившей стороны, передававшееся из поколения в поколение на протяжении столетий и всё это время служившее одной из главных опор общенационального самосознания жителей Испании, – развитие возникшей коллизии и реакция на неё испанского общества представляют безусловный интерес. Ведь отказ от праздника, во всяком случае в его традиционном, обусловленном устоявшимся канонном, виде, означал бы по сути переоценку важнейшего компонента этого самосознания.

Развернувшаяся в испанском обществе в связи с призывом местного мусульманского лидера дискуссия показала, что такая ценностно-ментальная переоценка там не просто имеет место, но зашла уже достаточно далеко и осуществляется на принципах нелиберальной идеологии, пришедшей на смену многолетнему господству консерва-

тивного «национал-католицизма», воспринятой наиболее влиятельными в стране общественно-политическими структурами и социальными группами и ставшей по сути доминирующей («мейнстримной») в общественном дискурсе. С позиций её многочисленных сторонников праздник «Мавры и христиане» в его устоявшемся за столетия виде воплощает собой вопиющее несоответствие тем принципам политкорректности, толерантности, мультикультурализма, феминизма, равноправия конфессий, защиты прав меньшинств и пр., на которых в наше время только и должны строиться отношения в человеческом обществе, и потому он должен быть как можно скорее ликвидирован или же кардинально видоизменён. Конечно, высказывались и мнения прямо противоположного свойства – о неприкосновенности фольклорного комплекса по причине его огромной ценности как уникального явления традиционной народной культуры, воплощения живой связи поколений и одной из наиболее значимых опор местной самобытности. Звучали эмоциональные слова о нелепости переделки символов далёкого прошлого, запечатлённых в сохранившихся артефактах и обрядовых действиях, в угоду сегодняшней конъюнктуре, тем более что участники и зрители праздничных действий прекрасно отдают себе отчёт в их архаичном, «музейном», характере, и им и в голову не приходит руководствоваться отражёнными в них давно отжившими нормами и представлениями в своей сегодняшней жизни. Наконец, наиболее радикальные противники каких-либо изменений вековой традиции высказывались и вовсе в том смысле, что те приезжие, которым она не нравится, могли бы просто уехать отсюда, вместо того чтобы покушаться на местные обычаи, проявляя тем самым неуважение к здешним жителям.

Между тем появлялось всё больше информации о реальном положении дел в связи с данной проблемой, и вот тут обнаружилось, что организаторы праздника «Мавры и христиане» в разных населённых пунктах Испании сами, а чаще с подачи или под давлением местных органов власти, во избежание потенциального скандала и без лишней огласки, уже давно озаботились приведением его в соответствие с нормами политкорректности и предпринимают для этого самые решительные шаги, устраняя из веками остававшихся неизменными сценариев всё, что могло бы послужить основанием для упрёка в неуважении к исламу и к арабам. Сообщалось об изъятии персонажей, живых или специально изготовленных в качестве гигантских кукол и изображающих – нередко в гротескном виде – лидеров «маврitanской»

стороны; о том, что в некоторых случаях их стали переодевать и переименовывать, чтобы избежать прямого отождествления с «маврами»; о том, наконец, что организаторы повсеместно отказываются от традиционной театрализованной финальной «казни» главаря «мавританского войска», более того, кое-где участники представления теперь демонстративно воздают ему почести, которые до той поры было принято оказывать только статуе католического святого – в ознаменование одержанной в долгой и упорной борьбе победы христиан над приверженцами ислама, и т.д. В результате целенаправленных изменений традиционные праздники «Мавры и христиане» всё больше утрачивали свой исходный содержательно-смысловой посыл и превращались в своего рода красочные фестивали «мира, дружбы и взаимного уважения» упоминаемых в них народов и религий, символически представленных в костюмированных шествиях, танцах, пантомимах и т.д., – без деления на «своих» и «чужих», победителей и побеждённых, носителей «истинной веры» и её врагов... И то обстоятельство, что в данном случае сторонники сохранения в неприкосновенности традиционных форм народной культуры оказываются вынуждены отступить, говорит не только о неблагоприятном для них раскладе общественных сил в данной коллизии, но и о настрое общественного сознания в целом.

В самом деле, в сюжете с рассматриваемом нами праздником оказались затронуты очень важные категории бытия, мировоззренческих ценностей и самосознания испанского народа на нынешнем этапе его существования – в непосредственном сравнении с тем, что имело место пятьсот лет назад и оставалось зафиксированным в уникальном фольклорном явлении, дожившем до наших дней. И вот здесь мы наблюдаем очевидный перевес общественных сил, готовых без всякого сожаления – и вопреки продолжающемуся сопротивлению всё ещё многочисленных оппонентов – покончить с теми проявлениями ещё недавно привычного для большинства населения уклада жизни, которые в условиях усиливающегося доминирования неолиберальной идеологии всё больше воспринимаются как противоречащие её постулатам и, следовательно, подлежащие устранению – в пользу иных, «прогрессивных» норм и поведенческих моделей, которые этим постулатам будут соответствовать. При этом соображения исторической уникальности и безусловной «музейной» ценности, как выясняется, не играют решающей роли в споре о судьбе данного явления традиционной культуры. В полном соответствии с таким раскладом социологи-

ческая служба правозащитного характера, отслеживающая текущее положение мусульман в Испании, в докладе за тот же 2006 г. отмечает как «правильные» и достойные одобрения действия властей ряда городов и селений, которые уже убрали из своих ежегодных фольклорных торжеств традиционно присутствовавшие там «исламофобские эпизоды», «оскорбительные для мусульман куплеты» и т.д., а из своих исторических гербов и с флагов – «исламофобские элементы» (появившиеся там столетия назад изображения пленённых мавров в цепях, их отрубленных голов и пр.)⁶.

Устойчивая тенденция к адаптации на территории страны прибывающих сюда арабов-мусульман, в большинстве своём марокканских, сохранилась и в дальнейшем (разумеется, речь идёт о тех мигрантах, которые сами стремятся прочно обосноваться на новом месте). К началу 2018 г. общее число мусульман в Испании вплотную приблизилось к 2 млн чел., при этом всего за год оно увеличилось на 1,4% (ок. 40 тыс.); среди них – 816 «коренных» испанцев, принявших за тот же год религию Пророка (а всего в стране таких новообращённых мусульман – 24400 чел.)⁷. Таким образом, 4,2% жителей Испании исповедовали ислам, и этот показатель непрерывно возрастал. Столь же неуклонно росло все эти годы количество мусульман, имеющих испанское гражданство – в результате прежде всего выдачи испанских паспортов тем приезжим, кто получил право на них согласно официальному регламенту и правительственным распоряжениям, а также в результате рождения детей у таких «новых испанцев». В целом, 43% мусульман Испании являлись её гражданами, 38% – гражданами соседнего Марокко. В стране было зарегистрировано более полутора тысяч мечетей, а общее число исламских общин и организаций превысило три тысячи; осуществлялось вещание частных исламских телеканалов – таких как Hispan TV и Córdoba TV⁸, и т.д.

Общая оценка ситуации позволила местным экспертам говорить о появлении *первого* (после многовекового перерыва) *поколения ис-*

⁶ Ibidem.

⁷ Crece un 1,4% la población musulmana en España hasta los 1,95 millones // Europa Press: agencia de noticias de actualidad. 13.02.2018. <https://www.europapress.es/sociedad/noticia-crece-14-poblacion-musulmana-espana-195-millones-20180213191550.html> (Дата обращения 27.08.19)

⁸ Suárez C., Escudero J. El Islam sigue creciendo entre los españoles: la población musulmana, en seis gráficos // El Confidencial. 21.08.2018

панских мусульман, т.е. граждан страны с испанской культурой и исламским вероисповеданием, гораздо более интегрированного в испанское общество, нежели их собратья по африканской исторической родине, люди того же происхождения и статуса, интегрированы в соответствующие общества других стран ЕС⁹.

Означает ли это, что доминирующий вектор отношения в среде населения Испании к арабам-мусульманам, заданный драматическими событиями прошлого и столетиями поддерживавшийся не только в целом неблагоприятной для «мавров» традицией официальной, церковной, общественной, историко-литературной и пр. трактовки этих событий, но и «народной памятью», фольклорными образами, вошедшими в язык идиоматическими выражениями и т.д., – что этот вектор в последние десятилетия развернулся в другую сторону?

Судя по многим данным, такой поворот здесь действительно происходит, породившие его тенденции продолжают набирать силу и масштаб, хотя в мировоззренческих представлениях значительной части жителей страны сохраняются, в той или иной степени, элементы распространённого прежде, во многом негативного и насторожённого восприятия североафриканских приверженцев ислама, проявляющиеся в самых разных формах и ситуациях и вступающие в конфликт с постулатами неолиберальной идеологии, – а к тому же сотни испанских граждан уже в последние годы стали жертвами массовых терактов, устроенных обосновавшимися в стране радикальными исламистами, и это вполне могло сказаться на общественных настроениях. Авторы упомянутого выше доклада о положении испанских мусульман, сообщая об успехах политкорректности и борьбы с ксенофобией в сфере традиционных символов, образов и народной праздничной культуры, указывают, однако, что большое число подобных пережитков прошлого ещё продолжает существовать – вопреки принятым в стране законам о равенстве конфессий в светском государстве. При этом, по мнению данных экспертов, создание благоприятных условий и соответствующей инфраструктуры для обеспечения нужд исламского образования, религиозно-культурной сферы, специфических культурных и бытовых потребностей мусульманского населения Испании более успешно продвигается на общегосударственном уровне, нежели

⁹ Marcos J. España, un país sin guetos para musulmanes // El País. 28.08.2017.

на более низких, где его зачастую тормозят муниципальные власти и «ревностные сторонники католицизма» из числа местных жителей¹⁰.

Действительно, по данным социологических исследований отношения «коренных» испанцев к приезжим в зависимости от национальности «мавры» стабильно оказываются на одном из последних мест. Вот типичное высказывание, полученное в ходе опроса: «Я предпочитаю южноамериканскую иммиграцию – из-за близости и сходства с моей культурой и ценностями. А вот иммигранты с арабской культурой мне кажутся куда более чуждыми. Их ценности совершенно отличные, а их готовность к социальной интеграции мне кажется гораздо меньшей»¹¹. Обитатели испанских селений и городских кварталов с большой долей обосновавшихся там североафриканских арабов с осуждением говорят о том, что приезжие занимают пространство, традиционно используемое для отдыха, общения и прогулок местных жителей, и часто не склонны считаться с принятыми здесь правилами. Социологи и антропологи прямо указывают, что отношение многих испанцев к «маврам», их женщинам и детям строится на давних стереотипах, настраивающих на отчуждение и поддержание дистанции, на то, чтобы избегать общения с ними, ограничиваясь лишь формальными контактами¹². Наконец, известны случаи (наиболее громкий из них произошёл в селении Эль-Эхидо, пров. Альмерия, Андалузия), когда дело доходило до прямых массовых уличных столкновений между арабами-иммигрантами и местным населением.

Но примечательно, что осуждение и недовольство своими новыми соседями из категории приезжих мусульман по тому или иному поводу, как правило, не высказывается публично, а всплывает в ходе частных разговоров и индивидуальных бесед с репортёрами и социологами, а также в анонимных интернет-комментариях к сообщениям и текстам по соответствующей тематике. Что же касается конфликтных ситуаций с проявлениями насилия, то они стали предметом очень жёсткого и эмоционального общественного обсуждения, в ходе которого возобладали оценки их как постыдных выплесков ксенофобских и расистских настроений со стороны отсталой и реакционной части испанского общества, не имеющих никакого оправдания. Судя по данным соцопросов, даже взрывы в пригородных поездах, устроенные

¹⁰ Observatorio Andalusí, 2006.

¹¹ Cea D'Ancona, Valles Martínez, 2013. P. 52-54.

¹² González Falcón, Romero Muñoz, 2011. P. 1565-1574.

подпольной исламистской организацией 11 марта 2004 года (191 убитый, свыше двух тыс. раненых), не привели к необратимой вспышке исламофобии, и в массе испанского населения не возникло отождествления терроризма с арабами-мусульманами как таковыми¹³.

Очень характерен в этой связи эпизод, имевший место в Барселоне в августе 2017 года, на следующий день после кровавого теракта, совершённого исламским радикалом и унёсшего жизни более полутора десятков невинных людей. Попытка группы горожан правого толка, собравшихся на месте преступления, развернуть лозунги с осуждением «исламского терроризма» была немедленно пресечена многократно превышавшими их числом левыми активистами, которые силой разогнали оппонентов, скандируя при этом: «Вы, фашисты, и есть террористы!» и т.д. Зато организованный здесь несколькими днями спустя многотысячный официальный траурный митинг по тому же поводу, с участием короля и премьер-министра, прошёл по всем правилам политкорректности: на нём присутствовали представители мусульманской общины (с плакатами: «Мы мусульмане, а не террористы!», «Ислам – это мир!», «Терроризм не имеет религии!»); обращения к собравшимся зачитывались, помимо испанского и каталанского языков, ещё и по-арабски; главным лозунгом его был «Мы не боимся!», а среди прочих – «Лучший ответ (на теракт. – А.К.) – мир!», «Ни джихада, ни крестовых походов!» и им подобные, в том числе много обвиняющих испанское правительство в том, что оно косвенно виновато в случившемся, поскольку продаёт оружие в арабские страны, способствуя тамошним войнам и бедствиям; десятки волонтеров раздавали белые, желтые и красные розы с лозунгом «Исламофобии – нет!»

Не все местные жители согласились с тональностью, в которой прошло скорбное мероприятие. Автор одного из интернет-комментариев к газетному фоторепортажу о траурном митинге высказался так: «Я остался дома, потому что всё это было фарсом. Плакаты против исламофобии – и ни одного против террористического нападения!»¹⁴

Кстати, несколькими месяцами раньше, в феврале 2017 г., 160 тыс. демонстрантов вышли на улицы той же Барселоны для участия в манифестации под лозунгом «Мы хотим [их] принять!», имея в виду бе-

¹³ González Enríquez, 2017. P. 3-5.

¹⁴ La manifestación en Barcelona contra los atentados de Las Ramblas y Cambrills, en imágenes // El País. 27.08.2017.

женцев из стран Ближнего Востока, охваченных военными действиями, – и это произошло в то время, когда в остальных странах Евросоюза первоначальный энтузиазм давно уже пошёл на спад¹⁵.

Все приведённые факты и описания, как и множество им подобных, с очевидностью говорят о том, что в общественно-идеологической атмосфере сегодняшней Испании в целом доминирует и поощряется установка на адаптацию быстро растущей арабомусульманской общины на испанской земле, на уменьшение значения в самом деле очень ощутимых, исторически обусловленных различий – социальных, религиозных, культурных, психологических и пр. – между ней и «коренным» местным населением.

Существенно важно, что этой установкой руководствуются наиболее влиятельные, «референтные» слои общества, государственные и партийно-политические структуры, она составляет часть той неофициальной, но, по сути, господствующей идеологии, с которой здесь принято связывать благополучие страны и избранный ею путь развития. Группы и категории населения, не разделяющие «мейнстримные» ценности или испытывающие разного рода неудобства от изменения прежней «монокромной» этнодемографической среды своего обитания, весьма сдержанны в проявлениях недовольства, поскольку в нынешней общественной атмосфере это может восприниматься как нежелательное отождествление себя с крайне правыми политическими силами, – которые со времён падения авторитарного режима и до самых последних лет пребывали в маргинальном положении, не пользуясь сколько-нибудь ощутимой поддержкой испанских граждан.

При этом арабо-мусульманская, в своём подавляющем большинстве марокканская, община из числа «трудовых» иммигрантов, о которой до сих пор шла речь – это лишь часть, хотя и очевидно наиболее проблемная, всего того этнокультурного «многоцветья», которое обильно окрасило собой население Испании на рубеже прошлого и нынешнего столетий. И отмеченные выше варианты и тенденции восприятия местными жителями осевших здесь «мавров» так или иначе распространяются на всё многомиллионное и многообразное «пополнение» последних десятилетий. Многие местные аналитики, социологи и заинтересованные граждане утверждают, что интеграция приезжих из разных частей света и их потомков в Испании – более глубока

¹⁵ Mouzo Quintáns J., Congostrina Alfonso L. Clamor multitudinario para acoger refugiados // El País. 19.02.2017.

и успешна, чем в других странах Европы. Они указывают на отсутствие в испанских городах (по контрасту, например, с французскими) иммигрантских гетто¹⁶; на то, что в стране все эти годы не было массовых антииммигрантских манифестаций – зато проходили демонстрации с требованиями принять как можно больше беженцев с Ближнего Востока; на то, что, согласно соцопросам, большинство испанцев (в отличие от многих их «сограждан» по Евросоюзу) не склонны винить иммигрантов в многочисленных трудностях и потерях, связанных с кризисом 2008 года¹⁷; на то, что и вообще в доминирующей здесь общественной атмосфере негативное отношение к иммигрантам не принято выражать публично, поскольку окружающими оно неизбежно будет расценено как неприемлемое¹⁸ (столь же неприемлемыми считаются ныне термины «мавр» и «негр», повсеместно заменяемые эвфемизмами); на то, наконец, что даже в условиях упомянутого кризиса доля подростков из иммигрантских семей, родившихся в Испании и отождествляющих себя с ней (то есть считающих себя испанцами), с каждым годом продолжала увеличиваться (77% в 2009 г., 81% – в 2012 г.), – и т.д., и т.п.

Таким образом, в то время как несколько веков назад фактор религиозной принадлежности стал здесь поистине судьбоносным для миллионов людей, когда с демографической карты Испании были буквально стерты целые многочисленные «иноверческие» общины, – в наши дни конфессиональный критерий, как, впрочем, и расовый, играет для местных жителей, согласно соцопросам, весьма незначительную роль при оценке приемлемости чужеземца как потенциального соседа или сослуживца¹⁹. Испанцы давно перестали быть теми ревностными католиками, какими когда-то были и какими их ещё порою продолжают воспринимать. Так, в начале текущего столетия, по данным социологов, «твёрдо верили» в Бога 41,7% опрошенных испанцев, 31,2% – «скорее, верили», 12,5% – «сомневались», 5,4% – «скорее, не верили», 9,2% – не верили «абсолютно». По другим данным, «воцерковлённых» (регулярно посещающих богослужения, читающих Священное писание, участвующих в деятельности религиозных организаций) среди испанцев – 22,2%, «маловоцерковлённых» – 17,8% и

¹⁶ Marcos J. España, un país sin guetos para musulmanes // El País. 28.08.2017.

¹⁷ Rengel C. ¿Por qué no triunfa la ultraderecha en España? // El Huffington Post. 14.02.2017.

¹⁸ Méndez Lago, 2007. P. 27.

¹⁹ Cea D'Ancona, Valles Martínez, 2013. P. 342-247.

«невоцерковлённых» (не участвующих в церковной жизни или делающих это крайне редко) – 60%²⁰. В этом же ряду стоят закон 2005 г., разрешающий однополые браки, общественная терпимость к разводам и абортam, всё более распространяющаяся практика отказа от венчания, крещения детей, соборования умирающих и церковного отпевания покойников.

На сегодняшний день Испания, с точки зрения некоторых исследователей-обществоведов, является «наименее ксенофобной страной Европы», а испанское общество – «одним из самых либеральных в принятых терминах», в том числе в отношении религиозных, этнических и гендерных различий²¹.

Итак, обращение к коллизии вокруг традиционного фольклорного испанского праздника «Мавры и христиане» показало, что запечатлённые в нём в «музейной» реликтовой форме представления и трактовки в отношении арабов и ислама в большинстве своём не совместимы с принципами доминирующей ныне в стране неолиберальной доктрины, во многом определяющими общественно-идеологическую атмосферу. Более того, они воспринимаются активными приверженцами новых социально-культурных норм как не имеющие права на существование и требующие немедленного исправления согласно правилам политкорректности, – даже если тем самым будет уничтожен исходный посыл и первоначальный смысл данного обрядового торжества. И многие зарубежные, в том числе испанские, обществоведы и аналитики, констатирующие наличие и даже обострение в последние десятилетия «ценностного» конфликта, считают правомерным подход, согласно которому культура хороша не сама по себе как наследие, но лишь постольку, поскольку представляемые ею ценности и нормы соответствуют тем образцам, которые в настоящий момент считаются однозначно предпочтительными²². Судя по всему, именно в рамках данного подхода, разделяемого наиболее влиятельными кругами испанского общества и в целом поддерживаемого «сверху», иницируются и реализуются радикальные трансформации в фольклорно-праздничном комплексе «Мавры и христиане» на рубеже XX–XXI столетий – путём целенаправленного вытеснения из него истори-

²⁰ Bericat Alastuey, 2003. P. 295, 321-322.

²¹ González Enríquez, 2017. P. 3.

²² Gómez Pellón, 2017. P. 147–168.

чески заданной и сохранявшейся веками антиарабской и антиисламской составляющей.

В рамках той же тенденции прежний «милитарный» характер праздника как символического противоборства не на жизнь, а на смерть двух непримиримых сил, одна из которых (испанская и христианская) в итоге одерживает верх, – всё больше уступает иной, «фестивальной», трактовке, без деления на «своих» и «чужих», «победителей» и «побеждённых».

Практически аналогичная тенденция наблюдается в другом противостоянии, возникшем опять же сравнительно недавно вокруг закреплённого вековой традицией распределения гендерных ролей в процессе подготовки и проведения регулярных театрализованных и маскарадных мероприятий, весь или почти весь контингент участников, которых, согласно обычаю, переходившему до сих пор из поколения в поколение, составляли мужчины, а женщины в массе оставались на вторых ролях или пребывали в категории зрителей. Упомянутые выше «Мавры и христиане» – как раз одно из таких массовых фольклорных представлений, и, насколько можно судить, размах, жесточённость и накал борьбы за участие в нём женщин на равных с мужчинами – и вопреки традиции, – намного превышают то раздражение и недовольство, которые сопровождали упоминавшиеся выше изменения элементов праздника в связи с исправлением его прежней антиарабской и антиисламской составляющей. Дело в том, что борьба за полноценное включение женщин в контекст традиционного праздника – это лишь небольшая часть общенационального масштабного движения за женскую эмансипацию в поставторитарный период, оцениваемого многими местными аналитиками как одна из наиболее глубоких трансформаций, коренным образом преобразивших страну, отразившаяся на всём строе общественных отношений, не говоря уже о внутрисемейной сфере, породившая множество очень существенных и зачастую неожиданных последствий. После долгого периода всевозможных запретов и ограничений, зачастую унижительных, – испанские женщины в конце XX – начале XXI вв. стали стремительно сокращать огромный разрыв с мужчинами практически во всех областях социально-профессиональной активности. Так, количество девушек среди студентов высших учебных заведений превысило количество юношей; по проценту женщин в личном составе вооружённых сил Испания оказалась на первом месте в Евросоюзе; были приняты специальные законоположения, обеспечивающие женщинам равное с

мужчинами представительство в руководстве всех значимых административных, политических, экономических и пр. органов и структур; развернулась широкая кампания по утверждению «женского присутствия» в испанском языке путём внедрения соответствующих этой задаче норм и правил – и т.д. В таких условиях прежние, оговоренные традицией формы женского участия в фольклорных торжествах воспринимаются значительной частью общества как совершенно недостаточные, дискриминационные и даже оскорбительные, а их защитники подвергаются жесточайшему давлению вплоть до административного и судебного преследования. Итогом этого давления становится всё более массовое присутствие женщин в тех сценах праздничного действия и на тех ролях, которые раньше для них были совершенно закрыты; более того, в некоторых случаях специально для них в традиционный сценарий вписываются вновь придуманные персонажи женского пола и игровые эпизоды, призванные привести всё мероприятие в соответствие с нормами политкорректности.

Несомненно, большое значение в рассматриваемой коллизии с праздником имеет состояние испанского общества с точки зрения его национально-государственной идентичности на сегодняшний день, поскольку она существенным образом влияет на восприятие людьми своей традиции, истории и культуры, включая те её памятники, материальные и духовные, в которых отразилась историческая память данной общности²³. В испанском случае обращают на себя внимание некоторые обстоятельства. Так, население страны довольно резко разделено в отношении понимания своего национального единства: для одних оно бесспорно и задано самим исконным проживанием на территории Испании, где все, таким образом, принадлежат к одной «испанской нации»; другие же убеждены, что в её границах столь же исконно проживает целый ряд разных народов: баски, галисийцы, андалузцы, кастильцы, валенсийцы, каталонцы и пр., а их совокупность понимается либо как сообщество высшего уровня, «нация наций», либо как результат давнего насильственного подчинения имперскому «центру», с последующим многовековым угнетением «покорённых народов». Значительная часть общества отказывается использовать само слово «Испания», заменяя его термином «Испанское государство»²⁴. Отсюда же – негативное отношение местных прогрессистов к

²³ Астахова, 2017. Р. 8.

²⁴ Romero A. Las «naciones» de Gregorio Peces-Barba // ABC. 16.01.2018.

публичной демонстрации государственной символики страны – её флагу, гербу, гимну и т.д., «снижение образа» и даже высмеивание в местном кинематографе официально прославлявшихся ранее средневековых героев, в том числе враждовавших с маврами, ревизия прежних трактовок значимых событий, на которых долгое время строилось историческое сознание испанцев²⁵, и настойчивые требования заменить их правдивым рассказом о «чудовищных преступлениях» предков современных испанцев против других народов (мавров, евреев, индейцев и пр.).

Уже в наступившем столетии исследователи отмечают общее последовательное снижение уровня идентификации себя жителями Испании не только с общенациональной историей и государственной символикой, но и с испанской культурой и даже с испанским языком, а чувство их приверженности к своим согражданам – ниже, чем в среднем по Европейскому Союзу²⁶.

Очевидно, что весь этот культурно-психологический фон во многом определяет как развитие событий вокруг традиционного праздника «Мавры и христиане», так и исход возникшей там коллизии. Она, несомненно, отражает ситуацию в испанском обществе в целом – причудливым образом, но вполне определённо. Насколько преобладающие сейчас тенденции в общественной атмосфере необратимы – покажет будущее, простиупающие контуры которого пока что слишком зыбки и противоречивы, чтобы делать сколько-нибудь уверенные предположения на этот счёт.

Библиография / References

- Астахова Е.В.* Испания как метафора. М.: МГИМО-Университет, 2017. 275 с. *Astakhova E.V.* Ispaniya kak metafora. M.: MGIMO-Universitet, 2017. 275 s. [Spain as metaphor].
- Bericat Alastuey E.* La religiosidad contemporánea entre la secularización moderna y la espiritualidad posmoderna // El conflicto cultural en España. Acuerdos y desacuerdos entre los españoles / Coord. por E. Bericat Alastuey. Madrid, 2003. 403 p. Pp. 295-322.

²⁵ Prieto Arranz J.I. España vista desde dentro y desde fuera. Una aproximación sociohistórica y cultural a los discursos de identidad nacional // [Oceánide](http://oceanide.net), N 4, 2012. <http://oceanide.netne.net/articulos/art4-1.php> (Дата обращения 26.08.19)

²⁶ González Enríquez, 2017.

- Cea D'Ancona M.Á., Valles Martínez M.S.* Evolución del Racismo y la Xenofobia en España. Informe 2012. Madrid: Subdirección General de Información Administrativa y Publicaciones, 2013. 382 p.
- Gómez Pellón E.* Los problemas del patrimonio inmaterial: uso y abuso de los animales en España // Revista de Antropología Iberoamericana (AIBR). Vol. 12. N 2. 2017. Pp. 147–168.
- González Enríquez C.* La excepción española: el fracaso de los grupos de derecha populista pese al paro, la desigualdad y la inmigración // Real Instituto Elcano. Documento de trabajo 7/2017. Madrid: Real Instituto Elcano, 2017. 41 p.
- González Falcón, I. y Romero Muñoz, A.* Prejuicios y estereotipos hacia las familias inmigrantes en la comunidad educativa. Repercusiones en la relación familia-escuela // Actas del I Congreso Internacional sobre Migraciones en Andalucía. Granada: Universidad de Granada, Instituto de Migraciones, 2011. Pp. 1565-1574.